

СТАТЬИ

Северин Бялер

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Когда думают о местных столкновениях, о локальных точках, где разыгрывается советско-американский конфликт, внимание почти автоматически сосредотачивается на странах „третьего мира”. Арабо-израильский конфликт, война между Эфиопией и Сомали, гражданские войны в Никарагуа и Анголе — классические случаи столкновения интересов США и Советского Союза. Нередко забывают, однако, что регион, который является центром советско-американского соперничества, — это Европа. В период соперничества, который охватывал первое послевоенное десятилетие, это было вполне очевидно, но с конца 60-х годов масштабы активности и главных действующих лиц, и сторонних наблюдателей по обе стороны великой линии раздела Восток — Запад несколько уменьшились.

Последние 20 лет место Европы в советско-американском противостоянии оставалось центральным; однако целый ряд событий и явлений способствовали отвлечению внимания от этого факта. Отметим некоторые из них.

1. В Европе отчетливо оформились две сферы влияния: одна — охватывающая советский блок, другая — западный союз. Нарушение границ этих сфер посредством вторжения или военного вмешательства во внутренние дела каждой из них со стороны соперничающей сверхдержавы стало рассматри-

ваться как несомненная и почти автоматическая причина для возможной советско-американской войны. Советы оставили на произвол судьбы коммунистов в ходе гражданской войны в Греции и проявили умеренность в подталкивании коммунистических партий Франции и Италии к революционным действиям; с другой стороны, ограниченная и явно невоинственная реакция Запада на волнения в Восточной Европе и на советские военные интервенции в регионе, — все это отражает понимание пределов допустимых действий одной сверхдержавы в сфере влияния другой.

2. Сначала с помощью США, а затем и под воздействием внутренних факторов Западная Европа стала и остается поныне регионом весьма стабильным в социально-политическом и экономическом отношениях. Разрушительные социально-политические перепады прошлого сошли до такого уровня, когда они более не угрожают внутренней стабильности западноевропейских государств. Влияние коммунистических партий в большинстве стран упало до уровня, характерного для постоянно существующих мелких сектантских группировок (наиболее яркий пример — Франция, где некогда мощная сталинистская компартия на президентских выборах 1988 г. собрала лишь 5% голосов). В ряде случаев коммунисты оставили революционные цели и находятся в процессе превращения в левые партии истязлишмента, в „лояльную оппозицию” господствующим центристским и правоцентристским партиям (наиболее яркий пример такой тенденции — компартия Италии). Кроме того, некоторые европейские страны, близкие к Атлантическому союзу и к его военной организации — НАТО, перешли от авторитарных к либерально-демократическим режимам и стали относительно стабильными демократиями с системой свободного предпринимательства (Испания, Португалия, Греция).

3. С середины 60-х годов напряженность в отношениях между Востоком и Западом в Европе существенно снизилась. Центральный пункт в разногласиях между Востоком и Западом, приводивший к кризисным ситуациям, — проблема Западного Берлина — был урегулирован к удовлетворению обеих сверхдержав, так что доступ в город и его статус больше не нарушались советскими провокациями, столь частыми в 50-е годы и в

начале 60-х годов. Даже вспышки напряженности и безуспешный советский нажим на западноевропейские правительства с целью отмены решения НАТО о размещении в Европе ракет „Першинг II” и крылатых ракет в ответ на размещение Советским Союзом ракет СС-20 были временными; еще до прихода к власти Горбачева с советской стороны последовали жесты примирения.

4. Политика Франции по сепаратному зангрыванию с Советским Союзом, возглавлявшаяся де Голлем, и „восточная политика” примирения с Россией, проводившаяся канцлером Билли Брандтом, к началу 70-х годов развились во всеохватывающий детант между США и Советским Союзом и между коалициями их союзников. Советско-американский детант стал давать трещины в середине 70-х годов и закончился после советского вторжения в Афганистан и отказа США ратифицировать договор ОСВ-2. Однако отношения между Западной Европой, с одной стороны, и СССР и восточным блоком — с другой, в основном продолжались в духе детанта даже в период напряженной советско-американской конфронтации при первой администрации Рейгана и несмотря на подавление движения „Солидарности” в Польше осенью 1981 г. Близость Западной Европы к мощной советской военной машине, сомнения в истинности американских обязательств по обороне Европы, привлекательность хороших хозяйственных связей с Россией, в принципе деидеологизированная позиция западноевропейских правительств в духе „реальной политики”, безразличие общества к советской экспансионистской политике за пределами Европы — все это привело к явственным различиям в отношении США и их западноевропейских союзников к конфликту Восток — Запад.

Однако относительная стабильность связей между СССР и Западной Европой не должна вести к забвению основной истинны — центрального положения европейского театра в советско-американском конфликте. Это положение сложилось исторически и не изменилось в наши дни.

Во-первых, несмотря на послевоенный рост американской военной, политической и экономической мощи, несмотря на то, что тихоокеанский регион стал наиболее динамичной ареной экономического развития и что направления советской экспансии

были переориентированы и шли в стороне от Западной Европы, „старый континент” продолжает оставаться сердцевинной системы международных отношений во всех ее аспектах. Прямо или косвенно вопрос о Европе по-прежнему главенствует в конфликте сверхдержав.

Во-вторых, создание империи, в которую СССР включил Восточную и Центральную Европу, было наиболее важной причиной холодной войны. Сохранение советских усилий по поддержке империи остается фактором, наиболее трудным для обсуждения, препятствующим устойчивой нормализации советско-американских отношений и прорыву порочного круга норм поведения и политики эпохи „холодной войны”.

В-третьих, периодические взрывы волнений в странах Восточной Европы, периодические акты советской военной интервенции или подавления волнений собственными силами восточноевропейских режимов не могут совмещаться с устойчивыми отношениями детанта между двумя сверхдержавами. Повторяющиеся эпизоды волнений и репрессий в Восточной Европе возрождают в американских политических кругах характерные для эпохи „холодной войны” настроения недоверия и страха перед Советским Союзом и его планами на международной арене.

В-четвертых, включение Восточной Европы в советскую империю породило опасение советского вторжения в Западную Европу, привело к созданию НАТО и к наращиванию американской и западноевропейской военной мощи. Продолжающееся советское господство в Восточной Европе поддерживает страх Запада в том отношении, что серьезное нарушение равновесия в военной мощи между Востоком и Западом, даже если оно не приведет к советскому нападению на Западную Европу, может постепенно превратить страны этого региона в полусателлитов СССР, вызвать упадок их сопротивления советскому нажиму и их самоизоляцию от США.

В-пятых, подчинение Западной Европы Советскому Союзу или даже ее нейтрализация в конфликте сверхдержав неприемлемы для США. Развитие в этом направлении может драматически изменить равновесие сил между сверхдержавами в пользу СССР. Широкая система ядерного сдерживания при сохраняющихся обязательствах США в области конвенциональной обороны

Западной Европы исходит из американских национальных интересов и образует первую и главную линию американской обороны против советских экспансионистских устремлений. Продолжающееся советское господство в Восточной Европе независимо от любых стратегических и тактических поворотов в советско-американских отношениях является постоянным предостережением относительно экспансионистских appetитов и агрессивных тенденций СССР, которые угрожают усилиться, если им не будет противостоять равная и решительная мощь.

Восточная и Центральная Европа — это конгломерат стран со значительными различиями и с населением свыше 100 млн. человек. Перед второй мировой войной и в период войны этот регион был камнем преткновения между двумя сверхдержавами континента — Германией и СССР. В 1944–1945 гг., в связи с поражением нацистской Германии, началась новая фаза советской экспансии в западном направлении.

По мере того как Красная Армия продвигалась на Запад, освобождая страны Центральной и Восточной Европы от нацистов и их союзников, Советы силой оружия и с помощью тайной полиции навязывали им коммунистические режимы. К 1949 г. Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Восточная Германия превратились в однопартийные коммунистические системы и в сателлитов Москвы. Эти страны не были формально включены в Советский Союз — их предпочли оставить в символической национальной независимости с полагающимися тому атрибутами. Но вплоть до смерти Сталина в 1953 г. практически с ними обращались как с советскими республиками. К концу второй мировой войны в большинстве этих стран была революционная ситуация, и если бы их развитие шло свободно, без внешнего вмешательства, здесь, вероятно, были бы свергнуты существовавшие тогда правительства и режимы были бы преобразованы в демократическом направлении. Но, за исключением Югославии, ни одна из этих стран, предоставленная собственному развитию, не встала бы на революционный путь, приводящий к созданию коммунистического режима. Коммунизм был навязан каждой из этих стран прямым применением советской военной и полицейской силы или угрозой силы.

В истории советского экспансионизма нет более значительного и важного достижения, чем создание восточноевропейской империи. Вместе с внутренней советской империей — нерусскими республиками СССР — Восточная Европа сегодня — последняя сохранившаяся империя в мире. Многие в советской внутренней, внешней, военной и экономической политике могут быть объяснены целями сохранения гегемонии в Восточной Европе. В свою очередь, многое в политике стран Восточной Европы может быть объяснено связями с Советским Союзом и их ожиданиями от этих связей. Существование империи — вместе с частичным контролем над такими странами как Куба и Вьетнам — рассматривается советским руководством как исходный плацдарм для будущего расширения советской сферы господства и распространения коммунизма, как подтверждение тезиса о „неизбежности” победы социализма над капитализмом. Советские лидеры от Сталина до Горбачева, несмотря на существенные различия в деталях осуществления политики в отношении Восточной Европы, были непреклонны в своей решимости сохранить империю.

Новое советское руководство во главе с Горбачевым, возможно, желает продвижения восточноевропейских стран по пути либеральных экономических реформ и даже поощряет его. Несомненно, многие страны Восточной Европы нуждаются в реформах и в переориентации на рынок, чтобы устранить недостатки централизованной командной экономики и улучшить свое экономическое положение, находящееся на грани между застоем и катастрофой. Но и для Восточной Европы, и для Советского Союза в восточноевропейском аспекте его политики экономическая либерализация — лишь часть проблемы. Другая часть — это обеспеченность восточноевропейских государств ресурсами, стабильность их рынков, их положение на внешних рынках, их международная задолженность и т. п.

Приведем несколько примеров. Венгрия — член советского блока — находится в весьма тревожном экономическом положении и не видно перспектив к его улучшению. Но Венгрия — наиболее „реформированный” из советских сателлитов. Это модель рыночного социализма, которой Горбачев желает следовать, хотя бы отчасти. Югославия, как известно, мужественно сопро-

тивлялась советскому нажиму и осталась полностью независимой страной вне коммунистического блока. Югославская экономическая модель либеральна и ориентирована на рынок намного более любой страны советского блока (например, Югославия имеет свободно обратимую валюту) и в большей степени, чем страны Восточной Европы и СССР желали бы для себя при наличии свободного выбора. Но и Югославия в 80-е годы стала испытывать хозяйственные трудности, не менее существенные, чем венгерские.

Иногда высказывается мнение, что Венгрия внутри советского блока, как и Югославия вне его — не продвинулись достаточно далеко по пути экономических реформ, чтобы воспользоваться преимуществами свободного предпринимательства. Возможно, это так; но следует помнить, что в обоих случаях, в особенности в случае Югославии, правительства не могут двигаться дальше, не отказываясь от основы своей власти, то есть от политического контроля над экономикой и от социалистического характера государства. Любым дальнейшим шагам в этом направлении в Венгрии воспротивится даже наиболее либеральный советский руководитель (кстати, Фидель Кастро уже считает венгерскую систему несоциалистической). Экономические модели Венгрии и Югославии, по-видимому, достигли верхнего предела своей эффективности. Но, кроме трудных повседневных проблем экономической реальности, сложности в этих странах связаны именно с направлением их экономического развития; в ряде случаев экономические реформы лишь обострили эти трудности. Обе страны страдают из-за отставания в области производительности труда, из-за неравного распределения доходов, недостатков материального стимулирования, инфляции, усиливающейся в результате „социалистической” социальной политики, низкого уровня контроля за качеством продукции, неспособности расширить торговлю со странами с твердой валютой, иррациональных решений центральной власти относительно капитальных вложений и из-за субсидий, дающих возможность выживания убыточным предприятиям ради сохранения безработицы на низком уровне и т. д. Серьезные перемены в мировом хозяйстве и на мировых рынках между 70-ми годами, когда условия для быстрого развития Венгрии и Югославии были благоприятными, и 80-ми годами, когда у них возникли

трудности, оказались, вероятно, важнейшей причиной их экономического упадка. Трудности же создали укрепление внутренних связей между странами европейского Общего рынка, усиление конкуренции со стороны Японии и новых индустриальных стран Азии, возобладание спроса над предложением на кредитном рынке и т. п.

Неверно было бы утверждать, что экономические реформы нежелательны для улучшения хозяйственного положения в восточноевропейских странах в длительной перспективе. Но главное для них ныне — не решение за или против реформ, а какой — жесткой или либеральной будет политика СССР по отношению к ним. Так, польское правительство желает провести экономические реформы, но подданные настолько не доверяют ему, что оно не может их осуществить. Правители Чехословакии полны решимости сохранить систему командной экономики не из-за советского давления, а из-за отсутствия эффективного нажима со стороны собственного народа. В Румынии вопрос стоит не о реформе, а просто о соблюдении элементарных правил принятия рациональных решений. Затем, все восточноевропейские страны нуждаются не только в реформах, но и в экономической помощи, в импорте передовой техники и технологии, в расширении торговли и т. п., и Советский Союз совершенно не в силах им помочь, что мало утешительно для сателлитов (кстати, большая часть стран-сателлитов важнее для удовлетворения нужд советского рынка, нежели Советский Союз для сателлитов). Помочь может только Запад, и в одном случае — в ГДР — куда такая помощь поступает в широких масштабах, положение намного лучше, чем в других восточноевропейских странах. Государства — советские клиенты, отчаянно нуждаются в экономической помощи, а хозяйственная реальность такова, что получить ее они могут только с Запада. Это проблема не только восточноевропейская, но и советская, и по природе своей это прежде всего проблема политическая.

Создается впечатление, что советское руководство, поглощенное драматическими внутренними проблемами, недооценивает серьезности своих имперских проблем в длительной перспективе. Весьма возможно, что Горбачев не хочет до конца продумать свои восточноевропейские перспективы и встретить

лицом к лицу опасности, которые могут сложиться в Восточной Европе для перестройки в СССР. Нередко забывают, что после изгнания Хрущева в октябре 1964 г. советское руководство намеревалось провести реформы, проводило эксперименты (пример — предложение Либермана), и реформы эти шли в том же направлении, что и нынешние реформы Горбачева. Но реформистские настроения оказались недолговечными. Вторжение Советского Союза в Чехословакию в 1968 г. для пресечения осуществления дубчеховской программы либерализма положило конец и советским реформам.

Советский деятель, преданно поддерживающий горбачевскую перестройку и понимающий связь между вторжением в Чехословакию и отступлением к неограниченному консерватизму в брежневской России, заметил: „В случае необходимости будем защищать интересы нашей безопасности в Восточной Европе всеми возможными средствами. Но мы не откажемся от внутренних реформ и обновления, что бы ни случилось в Восточной Европе”. Думается, такая точка зрения весьма оптимистична и, скорее всего, не соответствует действительности. Серьезные волнения в Восточной Европе, не говоря уже о взрывах, которые потребуют прямого советского вмешательства, несут в себе потенциал, который подействует в сторону торможения перемен в России, особенно если такие события произойдут на ранних стадиях осуществления горбачевских реформ. Новое советское руководство может дать простор развитию в Восточной Европе, похожему на дубчеховскую „пражскую весну”, но, думается, оно не поколеблется перед военным вмешательством в случае повторения событий, сходных с венгерской революцией 1956 г. или с продвижением польской „Солидарности” к политической власти в 1980–1981 гг., если другие средства противодействия будут исчерпаны. Связь между осуществлением перестройки и дестабилизирующими факторами в Восточной Европе весьма тесна. Похоже, что если встанет выбор между потерей Восточной Европы или отказом от радикальных внутренних реформ в Советском Союзе, перевесит, как и прежде, заинтересованность СССР в сохранении советской империи.

Означает ли это, что перестройка отношений СССР и Восточной Европы, проводимая по инициативе самого СССР, невозмож-

на? Нет ли альтернативной политики СССР в отношении Восточной Европы, которая позволила бы избежать высокой вероятности развития по „наихудшему сценарию”? Скорее всего уже упущено время для разработки такой политики СССР в отношении Восточной Европы, которая создала бы перспективы для нормализации отношений сторон на длительный период и помогла бы избежать весьма вероятных конфронтаций между ними; такое станет возможным лишь если будет обеспечено хотя бы постепенное признание независимости восточноевропейских стран. Тактика Горбачева в отношении Восточной Европы явно лучше, чем тактика предшествующих руководителей СССР, но если принципиальная основа политики в Восточной Европе не изменится, то не удастся избежать чреватых опасностями конфликтов между СССР и странами Восточной Европы. Однако несмотря на весьма инноваторское, гибкое горбачевское руководство и реформистскую суть его программы внутри России, руководящее ядро страны явно далеко от готовности к перемене позиций и подходов к советской империи в Восточной Европе. Горбачевская политика в отношении этого региона, пусть стратегически и тактически новая, в своей программной основе неизменна, и может в лучшем случае лишь отсрочить конфронтацию и помочь выиграть время для постепенного отхода в далеком будущем от коренных принципов в отношении советского господства в Восточной Европе.

Горбачевское руководство лишь начинает осознавать возможность серьезной дестабилизации в странах Восточной Европы, находящихся под контролем СССР. Оно начинает также осознавать опасность, которую могут создать волнения в Восточной Европе для успешного проведения новой внутренней и внешней политики СССР. Однако основные линии политики в отношении Восточной Европы стали определяться лишь в самое последнее время, и до сих пор в них много неопределенности. Если политику советского руководства после смерти Сталина можно определить как допущение (в определенных пределах) „различных путей перехода к социализму”, то складывающуюся ныне политику в отношении Восточной Европы можно определить как принятие (так же в определенных пределах) „различных путей отступления от социализма”.

Горбачев придает все большее значение политике в отношении Восточной Европы, что проявляется в многочисленных фактах и заявлениях: участвовавшие поездки в страны империи, консультации с руководителями этих стран, заявление о Восточной Европе в ноябре 1987 г., декларирующее более либеральные и более свободные отношения между СССР и Восточной Европой, инструкции Политбюро Медведеву — бывшему тогда секретарем ЦК, ответственным за Восточную Европу, о разработке нового комплекса принципов отношений между СССР и регионом.

Горбачевская политика в отношении Восточной Европы включает различные цели, не всегда совместимые между собой. Главная цель — сохранение советского господства над Восточной Европой. Практически это означает сохранение коммунистической природы режимов, постановку их внешней политики на службу Советскому Союзу, определение границ внутренних реформ и допустимых связей с Западом для этих стран. Вторая цель — сохранение социально-политической стабильности восточноевропейских режимов как необходимого условия проведения радикальных реформ у себя дома и разрядки напряженности в отношениях с Западом, в особенности с США. Третья цель Горбачева — увеличение вклада восточноевропейских стран в модернизацию экономики Советского Союза.

Первая цель предполагает сохранение жесткого советского контроля над внутренней и внешней политикой вассальных государств, постоянное вмешательство в действия их руководства и в процесс формирования политики. Вторая цель предполагает терпимость в отношении внутренних реформ в восточноевропейских странах, расширение их политической и культурной автономии до тех пределов, которые не угрожают стабильности коммунистических режимов и нерушимой лояльности к СССР. Третья цель предполагает прекращение советского субсидирования Восточной Европы в форме низких цен на сырье, поставляемое в эти страны, и советских закупок товаров низкого качества из этих стран, что обеспечивает спутникам скрытые дополнительные доходы; углубление интеграции хозяйств СССР и региона не только через торговлю и разделение труда, но и путем прямых капитальных вложений восточноевропейских стран

в развитие советской сырьевой и энергетической базы. В своей совокупности цели горбачевской политики в отношении Восточной Европы – это попытка примирить между собой непримиримое: постоянное советское господство в регионе, сохранение лояльности его коммунистических режимов и противодействие центробежным тенденциям, с одной стороны, а с другой – укрепление социально-политической стабильности и внутреннего мира. Москва хочет и того и другого.

Для достижения этих целей Горбачеву предстоит решать проблемы и ближней и дальней перспективы. Проблемы ближней перспективы в отношении Восточной Европы для Горбачева не похожи на те, с которыми ему придется столкнуться дома; главная из них – примирение восстановления и усиления контроля метрополии над периферией и провинциями империи с повышением уровня либерализации, соответствующим духу перестройки.

Горбачев унаследовал советскую империю в состоянии беспорядка и ослабления контроля со стороны метрополии. Последние годы правления Брежнева и вакуум, возникший в длительный период междуцарствия, предоставил в восточноевропейскому коммунистическому руководству и политической элите большую независимость от России, чем когда-либо раньше, и повысил аппетит к автономии. Первой задачей Горбачева после прихода на высший пост в стране было разъяснение восточноевропейским лидерам, что теперь советская империя имеет сильную основу и Советский Союз будет высшим судьей в отношении того, что приемлемо и что неприемлемо для Восточной Европы. С этой целью в течение года были проведены две встречи на высшем уровне, осенью 1985 г. конференция секретарей восточноевропейских компартий, ответственных за экономику, на которой секретарей предостерегали от чрезмерной опоры на силы рынка; визиты руководителей Восточной Европы в Москву, где не было места церемониям – дела обсуждались по существу; поездки Горбачева в ГДР, Венгрию, Чехословакию и Румынию; повышение активности СЭВ; советское вмешательство в процесс смены лидеров в Венгрии и в Чехословакии. В первом случае Советы предпочли в качестве наследника Кадару консерватора Гроса и

дали ясно это понять, а во втором случае престарелого Гусака сменил более гибкий, хотя и далекий от либерализма Милош Якеш. Наконец, была под нажимом отменена поездка в ФРГ восточноевропейского руководителя Хонеккера.

Одновременно Горбачев ясно продемонстрировал понимание того, что сложившееся за годы, предшествовавшие приходу Горбачева к власти, отношения СССР со странами империи следует пересмотреть в направлении либерализации. Он отдает себе отчет в том, что прежние, традиционные отношения одностороннего господства и замораживание оппозиции переменам в Восточной Европе столь же опасны, как и ослабление контроля со стороны СССР. Пересмотр отношений между СССР и Восточной Европой стал неотъемлемой, хотя и не слишком еще ясной частью перестройки. Похоже, Горбачев сознает, что революционные преобразования в самом СССР не могут не повлиять на развитие событий в восточноевропейских странах.

Перестройка в России неизбежно даст толчок стремлениям интеллигенции и рабочих восточноевропейских стран к либерализации коммунистических режимов, к большей свободе и к повышению материального уровня жизни. Она усилит также стремления коммунистических правителей и элиты к большей автономии от советского покровительства. Если у Горбачева были на этот счет какие-либо сомнения, их должен был рассеять его визит в Чехословакию, страну с консервативным режимом, где он встретился со взрывом надежд чехов и словаков, что его радикальные реформы воспримет и их страна.

Наиболее авторитетной и всеохватывающей была декларация Горбачева об отношениях СССР с восточноевропейской частью империи от 10 ноября 1987 г. В ней содержалось обещание умерить вмешательство во внутренние дела стран Восточной Европы, расширить полномочия их правящих элит в политике и культуре; здесь же была высказана надежда на экономическую либерализацию и пожелание снизить уровень репрессивности режимов этих стран. Последние темы особенно открыто прозвучали во время визита Горбачева в Румынию, которая, наряду с Албанией, является страной наиболее жестоких репрессий и наихудшего хозяйственного управления в Европе. Суть горбачевской программы перестройки для Восточной Европы

можно свести к двум простым принципам: либерализация в наиболее консервативных восточноевропейских странах (таких как Чехословакия и Румыния), и воспрепятствование дальнейшей либерализации в наиболее либеральной Венгрии. Наиболее точно такую политику можно определить как централизм.

Отношение Горбачева к Польше и ГДР особенно важно для понимания его имперской политики и трудностей, с нею связанных. Это крупнейшие восточноевропейские страны и наиболее важные для СССР с политической, экономической и стратегической точек зрения. Польша ближе всех подошла к той модели, которую Горбачев разработал для Восточной Европы, а ГДР воплощает главные трудности в применении этой модели. В обеих странах как бы сосредоточены внутренние противоречия и альтернативы его политики, а также опасности для перестройки, исходящие из Восточной Европы.

Польский руководитель генерал Ярузельский — во всех отношениях наиболее доверенный и близкий к Горбачеву из правителей восточноевропейских государств. Он сумел собственными силами отразить наиболее серьезный и опасный вызов коммунистической власти в Восточной Европе и таким образом предотвратить весьма дорогостоящее во всех отношениях и непредсказуемое по своим последствиям прямое военное вмешательство со стороны СССР. По-своему, он польский патриот, который, однако, доказал свою лояльность Москве, понимает и принимает как неизбежность советское господство над Польшей. Он оказался способным установить в Польше подобие политической стабильности, некое равновесие между „Солидарностью”, церковью и режимом. В то же время при его режиме допускается больше свобод для граждан, чем в какой-либо другой провинции империи. Он принимает (разумеется, по необходимости) то, что причитается фактически организованной оппозиции с ее собственной прессой, с могущественной и независимой церковью. Его видение реформированной экономики ближе всего к горбачевскому представлению о реформированной советской экономике.

В то же самое время Польша — слабое звено в советской империи. Здесь народ существует без правительства, а у правительства нет народа. Это страна, где равновесие политической

власти крайне хрупко, хозяйственное положение катастрофично, а шансы на успех экономической реформы минимальны вследствие всенародного недоверия к правительству. Польша — страна без надежд. Это страна, где репрессивных сил еще достаточно, по всей вероятности, для сохранения социального мира в условиях национальной усталости, где они еще достаточно сильны, чтобы предотвратить или подавить локальные вспышки глубоко укоренившейся ненависти и недовольства. Но это также и страна, где достаточно искры, чтобы существующий режим был бы сметен взрывом общенационального масштаба.

Хонеккер, руководитель Восточной Германии, — человек, которому Горбачев доверяет меньше всех, а его страна — самая нелюбимая Советами часть империи. Пятнадцать лет назад восточногерманская элита вела себя в отношении русских наиболее сервильно из всех правящих групп Восточной Европы. Для нее нормальной было называть СССР (как публично, так и в частных беседах) „старшим братом”. Восточная Германия была самой агрессивной из восточноевропейских стран по отношению к „пражской весне” 1968 г. и польской „Солидарности” в 1980—1981 гг. ГДР более других поддерживала Советы. Вклад ГДР в экономику СССР — самый надежный и весьма высоко оценивается Москвой. Участие Восточной Германии в поставках оружия, в командировании военных советников и сил тайной полиции в поддержку советских планов в „третьем мире” весьма приветствовался русскими.

Однако в последние годы поведение ГДР коренным образом изменилось. Угодничество сменилось наглостью, нередко проявляется презрение, непослушание. Печать Восточной Германии и ее руководители обходят молчанием планы горбачевских реформ, программу перестройки и гласности; сообщения о них не выходят за рамки простого пересказа. Относительно применимости горбачевских реформ к Восточной Германии, господствуют явно или скрыто следующие формулы: „Мы действуем правильно и не нуждаемся в чужих моделях; „Советам нечего нам предложить, нам у Советов учиться нечему, вот они могли бы многому поучиться у нас”.

Советские руководители вполне осознают, какие ветры веют в ГДР, и затруднения, вызванные активизацией националь-

ного сознания и на Востоке и на Западе Германии. Они относятся подозрительно к укреплению отношений между Восточной и Западной Германией, к растущему разнообразию их связей, к тому, как Коль и Хонеккер ухаживают друг за другом. Так, исторический визит Хонеккера в Западную Германию, продолжавшийся целую неделю зимой 1988 г., весьма кратко освещался советской печатью и был полностью обойден вниманием советского телевидения. Советы явно опасаются все усиливающегося внимания, которое Западная Германия уделяет своим братьям на Востоке, и все укрепляющегося в Восточной Германии убеждения, что Советам нечего ей предложить.

Но в то же время ГДР – самая стабильная и процветающая страна Восточной Европы, подлинный образец того, что хотел бы Горбачев для прочих частей советской империи. Восточная Германия выглядит исключением на фоне экономических катастроф, характерных для советской империи и в Европе, и за ее пределами. Положение в Восточной Германии в какой-то мере является следствием германского национального характера, в котором упор делается на трудовую мораль, дисциплину и уважение к авторитетам, что до определенной степени позволяет компенсировать и преодолеть чудовищную неэффективность коммунистической хозяйственной системы. Это же способствует сохранению социально-политической стабильности в стране советского блока, наиболее открытой западным влияниям: западногерманское телевидение принимают три четверти населения ГДР и только в 1987 г. 3 млн. жителей Восточной Германии (15% ее населения) посетили Западную Германию. Относительное процветание и стабильность ГДР в значительной степени поддерживаются крупными западногерманскими субсидиями и внутригерманской торговлей. Практически Восточная Германия является членом СЭВ и (через свои связи с Западной Германией) Европейского Экономического Сообщества.

Таков один из аспектов проблем восточноевропейской политики, с которыми сталкивается Горбачев. Относительное экономическое благосостояние, которое в Восточной Европе является условием социально-политической стабильности, может быть достигнуто только через тесные связи с Западом. Но такие связи отдаляют восточноевропейские страны от СССР и в дли-

тельной перспективе чреваты серьезным политическим риском. Пример Польши показывает, что лояльность местных правителей в отношении Москвы и политика сохранения коммунистической системы путем сочетания репрессий и уступок создает внутренне нестабильную смесь, где отсутствует необходимая экономическая основа для продолжительной социально-политической стабильности.